

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ ЕЛЕНА КРИКЛИВЕЦ

Т.П. Слесарева
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Статья написана в рамках кафедральной темы “Традыцы і навацы ў развіцці мовы і культуры Беларускага Паазер’я”, № ДР 20210510 ад 05.04.2021 г. задання 6.1.08 “Беларуская мова: этналінгвістычны, сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспекты даследавання” подпрограммы «Беларуская мова і літаратура» государственной программы научных исследований «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 годы.

Интертекстуальность – один из ключевых принципов современной литературы. Она предполагает диалог текстов между собой, включение цитат, аллюзий, реминисценций и культурных кодов.

На наш взгляд, восполнение пробела в изучении соединения поэзии Елены Крикливец, белорусской поэтессы, доктора филологических наук, профессора Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, с культурной памятью и традицией является актуальным и предполагает основную **цель** данной работы.

Материал и методы. Наши наблюдения построены на материале текстов стихотворений из сборников «На грани света» (2008), «За строкой» (2015), «Русского слова звучанье...» (2025) члена Союза писателей Беларуси и Союза писателей России Елены Крикливец [3; 4; 5]. Для исследования мы использовали описательный и стилистический методы.

Результаты и их обсуждение. Лингвистический энциклопедический словарь определяет интертекстуальность как «включение одного текста в другой»; что «может связывать тексты разных эпох, разноязычные и относящиеся к разным жанрам. В каждом тексте возможны наложения других («текст в тексте»), ассоциативные комбинации которых создают дополнительный смысл...» [6, с. 508].

Большой вклад в исследование интертекстуальности внес известный отечественный ученый М.М. Бахтин, который отмечал, что «каждый текст опирается на предшествующие и последующие ему тексты, созданные авторами, имеющими свое миропонимание, свою картину или образ мира, и в этой своей ипостаси текст несет смысл прошлых и последующих культур, он всегда на грани, он всегда диалогичен, так как всегда направлен к другому» [2, с. 353]. Верный своей природе текст, подчеркивает М.М. Бахтин, осуществляет «диалогические отношения»: являет собой отклик на предыдущие высказывания и адресацию к духовно-инициативному, творческому отклику него [1].

Анализ текстов показал, что в поэзии Елены Владимировны Крикливец интертекстуальность проявляется через прямые цитаты, скрытые реминисценции, культурные архетипы.

Неисчерпаемым источником интертекстуальности в поэтических текстах выступает Библия, чьи образы и сюжеты формируют культурный код и позволяют поэтам создавать произведения, которые одновременно обращены к прошлому и настоящему.

Так, например, библейские сюжеты обладают архетипическим характером и легко интегрируются в поэтический текст, а имена собственные выступают как «сжатые тексты», отсылающие к целым пластам смыслов.

Намёк на исход евреев из Египта и спасение от всемирного потопа:

*...а новый путь длиною в сорок лет
Уже пролегал по выжженной пустыне [5, с. 73],
Пусть для всех моисеев найдется своя палестина.
Нам достанет юдоли и вне гефсиманских садов [5, с. 67],*

*И разбились о камни тяжелые капли
И надежда на будущий Ноев ковчег [3, с. 52] -*
используется автором для выражения духовного поиска.

Как универсальные символы, позволяющие говорить о вечных темах, функционируют библейские образы:

*И полыхали поздние костры,
Горячие, как поцелуй Иуды [3, с. 57],
«Песня песней» - красивейший миф.
Но, признайся, словам Соломона
Ты поверила зря, Суламифь [4, с. 26],*

*Уголок листа заломив,
Бросил горестно Книгу Судеб [4, с. 34],*

*И ты идешь. Ты строишь новый храм,
Венчаешь строки рифмами. А после –
Смурной октябрь курит фимиам.
Поэт всегда – тринадцатый апостол [3, с. 11].*

Использование прямой цитаты:

*Он с детства холодное острие
Достал из груди не сразу.
Сказал: «Да святится имя Твое»
Вздыхнул.*

И поправил рясу [4, с. 87] –
усиливает эмоциональную глубину и помогает осмыслить судьбу героя.

Много в анализируемых текстах встретилось пословиц и поговорок, которые либо цитировались дословно:

*Пусть ты – в повозке-более вменяем,
Твердишь (и, безусловно, в этом прав):
«Коней на переправе не меняют!»
Меняют путь и место переправ [4, с. 82],*

*Передышки мы просили редко,
Словно милости у судьбы [4, с. 5],*
либо расширились / сужались за счёт введения / исключения компонентов:

*Я предвидела все наперед
И сгустила намеренно краски [4, с. 31],*

*Этот путь до отчаянья прост:
Возвращаюсь «на круги» опять я [4, с. 39],*

*Тем, кто лицам теряет счет,
на круги своя не вернуться [4, с. 75].*

Ещё одну группу, которую мы можем выделить, составят цитаты, которые в текстах Елены Крикливец претерпели различного рода трансформации:

*Я вижу тех, которые опять
В мой монастырь идут с чужим уставом [4, с. 25],*

*Потрешь ладонью лоб (в углу все те же грабли),
Опять в своей норе укроешься, как зверь [4, с. 29],*

*С детства учат не плевать в колодец,
А с друзьями воду разделить [4, с. 32].*

Читатель легко соотносит данные строки с паремиями русского языка («в чужой монастырь со своим уставом не ходят», «наступать на одни и те же грабли», «не плюй в колодец: пригодится воды напиться»).

Интересную, на наш взгляд, группу составляют аллюзии – обращения к классическим произведениям, которые позволяют автору вступать в диалог с традицией и вовлекать читателя в игру смыслов:

*Вечереет уже, и давно отправляться пора,
но склонит виновато седую макушку смотритель:
«Так ведь нет лошадей...»*

.....И приходится ждать до утра.

*А когда поутру упакуешь бельишка и снеди,
и, как бедная Дуня, помедлишь у старых ворот,
и потом напрямки по разбитой дороге поедешь,
там, в осеннем тумане, шальная Тамань промелькнет
Поистлеют слова, как привычные телу обноски,
и не встретится тот, кому жить на Руси хорошо [3, с. 7],*

Не напрасно ль тютчевские грозы

Будоражат небо по весне?

*Осень в устремлении наивном
Красит небо яркой бирбюзой,
Только не меняется Калинов,
и опять повеяло грозой [3, с. 7],*

*куплю на рынке тыкву поспелей
и прокричу: «Карету мне! Карету!» [4, с. 14],*

*и познается поздний Пастернак
светло и глубоко, «до самой сути» [3, с. 7],*

*Оттого, видать, в Христово Воскресение,
находясь от просветленья в двух шагах,
вдруг душа рванется следом за Есениным
Русь оплакивать в московских кабаках [3, с. 92].*

В современной поэзии аллюзии становятся ещё более разнообразными: наряду с классикой появляются отсылки к другим видам искусства, например, живописи:

*Здесь над старую ратушей кружит листва
И взлетает Шагал над шуришащей аллеей [3, с.80],*

*Чтоб, глядя на него, писать, как Леонардо,
Иуду и Христа на вечном полотне [3, с. 75],*

*И левитановскою кистью
К утру окрасился простор [3, с. 74]*

Заключение. Таким образом, поэзия Елены Крикливец насыщена интертекстуальными связями – от библейских аллюзий до диалога с классической традицией и другими видами искусства, что создаёт многослойное художественное пространство, подчиняется творческим задачам, стоящим перед автором, и выявляет индивидуально-авторский стиль.

1. Бахтин, М.М. Проблемы речевых жанров // Эстетика словесного творчества. - М., Искусство, 1979. - С. 235–236.
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. - М., 1979. - 424 с.
3. Крикливец, Е.В. За строкой: стихи / Елена Крикливец. – Санкт-Петербург: НППЛ «Родные просторы», 2015.- 102 с.
4. Крикливец, Е.В. На грани света: стихи / Елена Крикливец. –Минск: И.П. Логвинов., 2008.- 106 с.
5. Русского слова звучанье...: избранные поэтические страницы / сост. А.Ю. Аврутин. - Минск: Беларусь, 2025. – 175 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2. изд., доп. - М.: Большая Рос. энцикл., 2002 (Моск. тип. j 2). – 707 с.